

ТЕАТРАЛЬНАЯ ХРОНИКА.

В пятницу, 15-го сентября была повторена «Жизьета изъ Нарбонны». Публики было очень мало: старички рѣшили обходиться безъ пряхныхъ арфилицъ, иные увѣрить всѣхъ въ пуританской нравственности своей. Шутки въ сторону, мы не хотимъ, чтобы порнографическій душокъ оперетки былъ причиной малочисленности: онъ все-таки не достигаетъ наивной откровенности новеллы Боккаччо, изъ которой и заимствованъ сюжетъ оперетки, и даже скромнѣе комедіи Шекспира: «Конецъ всему дѣлу вѣнецъ», написанной на подобный-же сюжетъ. По нашему, причина равнодушія къ ней публики объясняется ея недостатками: въ опереткѣ много словъ и мало звуковъ, до того много, что пѣвецъ часто захлебывается въ ихъ набытка, переходитъ въ речитативъ; порой кажется, что передъ тобой распѣваютъ не мѣрные стихи, а недисциплинированную прозу. Вина въ этомъ, конечно, переводчикъ, композиторъ-же въ томъ, что не привелъ мотивовъ въ соотвѣстствіе съ душевнымъ настроеніемъ. Да и мотивовъ-то точно нѣтъ совсѣмъ, за немногими исключеніями, какъ напр., созо: Милыя женщины всѣ созданы миръ украшать...

Въ воскресенье, 17-го сентября шла трагедія В. Гюго «Лукреція Борджія». Всю первую сцену перваго дѣйствія актеры просидѣли въ глубокихъ креслахъ. Это неудобно и неправдоподобно, это стѣняетъ дыханіе и связываетъ жестикуляцію. Въ рукахъ монаховъ были слишкомъ яркіе факелы, вслѣдствіе чего и пропала зловѣщій характеръ ихъ факельнаго шествія. Г-жѣ Камыковой приличнѣе было-бы обратиться съ пѣсней къ своимъ товарищамъ, чѣмъ къ публикѣ: пѣсня эта вѣдь призана товарищей къ веселью. Вообще у многихъ актеровъ непохвальная привычка—плыться на публику. Одинъ только Малевскій ведетъ себя какъ дома. Онъ ничего не хочетъ знать о томъ, что одна стѣна его дома разобрана, и на него уставились любопытные глаза зрителей. И онъ, конечно, правъ. Еще другое достоинство игры г. Малевскаго, ни у кого изъ остальныхъ артистовъ не замѣчаемое, состоитъ въ томъ, что онъ не даетъ, такъ сказать, остынуть репликѣ обращающагося къ нему лица и подхватываетъ ее на послѣднемъ или предпослѣднемъ словѣ, что и приближаетъ діалогъ къ естественности. Самый замѣтный недостатокъ г-жи Гофманъ-Малевской—это ничѣмъ необъяснимая, но легко поправимая плаксивость дикціи. Представьте себѣ преступную, мстительную, безгранично гордую Лукрецію Борджія, ежеминутно готовую удариться въ слезы даже въ сценѣ мстительныхъ издѣвательствъ надъ оскорбившими ее юношами. Нѣтъ, надъ этими неосторожными, попавшими въ засаду, юнцами оскорбленная Лукреція злобно потѣшается.

Въ среду, 20-го сентября шелъ «Бѣлый генералъ»—анонимное «драматическое представленіе» въ шести антрактахъ, то бишь, въ семи картинахъ. Въ первыхъ пяти картинахъ разыгрывается любовь съ препятствіями между болгаринимъ Федоровымъ и болгаркой Степанидой, по временамъ кричатъ ура, надѣются на Бога и ожидаютъ прибытія русскихъ войскъ. Въ шестой картинѣ являются войска и самъ бѣлый генералъ на бѣлой лошади. Въ 7-й картинѣ заправскіе солдаты поютъ заправскія солдатскія пѣсни, лихо отплясываютъ трешака, за что и удостоиваются многочисленныхъ аплодисментовъ и трехкратныхъ вызововъ. Тѣмъ «драматическое представленіе» и кончается. Извольте радоваться! Зритель пришелъ послушать пѣсню, а долженъ смотреть панораму... Четыре первые картины прошли скучно, пятую оживилъ г. Минскій. Да, вы были превосходны, г. Минскій! А что дороже всего, роль Газеля сама наталкивала на карикатурную утрировку. Вы устояли противъ соблазна. Г. Фомиинъ скоро утомился, потому-что не экономно расходовалъ силы. Хорошій актеръ всегда сберегаетъ силы; а сберегать силы для актера значитъ сберегать голосъ.

Мы вынуждены предостеречь посѣтителей театра, что всѣ пѣсы, обѣщанныя въ предсезонномъ анонсѣ, за весьма немногими исключеніями, не стоятъ посѣщенія. Исключенія эти мы укажемъ въ слѣдующемъ номерѣ. Пока-же выдѣлимъ драму Чехова «Ивановъ», которую мы рекомендуемъ публикѣ, какъ лучшее произведеніе современной театральной литературы и которую мы желали-бы поскорѣе видѣть на сценѣ.

Впрочемъ большинство интеллигентной публики само ужъ покидаетъ театр: какого-же разборчиваго зрителя удовлетворитъ такой репертуаръ? А

антрепренеръ ничего не хочетъ знать и думаетъ, вѣроятно, до конца занимать насъ игрушками. Не понимаемъ, къ чему эта неразборчивая погоня за новинками? Что мы французы, что-ли? Живемъ, кажется, не особенно пылко,—и вдругъ трескучія, зазывающія новинки. И благо-бы, если-бы спектакли давали хорошіе сборы. Такъ вѣдь нѣтъ-же, театръ частенько-таки пустуетъ. Да на что вамъ еще лучше? Въ анонсѣ не указаны имена авторовъ пѣсень, точно все дѣло въ заглавіи. Каково объ насъ, господа, думаютъ? Тѣмъ боже странно, что антрепренеръ ничего не жадѣетъ на обстановку театра, на декорацию, словомъ, ведетъ дѣло на широкую ногу. А на самое существовавшее—репертуаръ почему-то не обращается никакого вниманія. Мы не безусловно противъ оперетки, но мы всегда противъ скверныхъ драмъ.

Д. Б.